

На правах рукописи

КАЧИНСКАЯ ИРИНА БОРИСОВНА

ТЕРМИНЫ РОДСТВА
И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
(по материалам архангельских говоров)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: кандидат филологических наук доцент
Гецова Оксана Герасимовна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: доктор филологических наук
профессор, руководитель Центра
ареальной лингвистики Института
славяноведения РАН
Вендина Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук,
доктор филологии Латвийской
республики, ассоциированный профессор
кафедры русистики и славистики
Института компаративистики
Даугавпилсского университета
Королёва Елена Евгеньевна

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: **Уральский государственный
университет имени А.М. Горького**

Защита диссертации состоится « 16 » февраля 2011 г. в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1 Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена изучению производных значений терминов родства (ТР), зафиксированных в русских говорах на территории Архангельской области. Оказалось, что вторичные значения этих терминов выходят далеко за рамки «семейной» области и даже далеко за пределы социума. Термины родства тесно связаны с животным, растительным и предметным миром, они связаны с мифологическим пространством и абстрактными понятиями, употребляются в качестве антропонимов и топонимов, используются как междометия и междометные конструкции.

Актуальность работы. Несмотря на давний и стойкий интерес лингвистов к терминам родства, специальных исследований, посвященных вторичным значениям этих терминов и их дериватов, очень мало; на материале отдельно взятого региона подобное системное исследование проводится впервые. Одной из популярнейших тем в последние десятилетия стала «языковая картина мира». Анализ производных значений терминов родства в архангельских говорах (АГ) ярко демонстрирует антропоцентричность этой картины.

Теоретической базой исследования послужили работы Московской семантической (Ю.Д. Апресян) и Московской этнолингвистической школ (Н.И. и С.М. Толстые), главным образом связанные с разработкой понятия «наивной», или «языковой картина мира». Ю.Д. Апресян говорил о выделенности «в языке некоторого круга фундаментальных значений, образующих каркас его семантической системы и способных к взаимопревращениям, к "перетеканию" друг в друга в определенных условиях... При этом одни и те же пути взаимопревращений прослеживаются на синхроническом, диахроническом и типологическом материале»¹. Представленный нами материал (термины родства) также относится к «кругу фундаментальных значений», «образующих каркас семан-

¹ Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. С. 30.

тической системы, способной к взаимопревращениям», – в нашей работе речь пойдет главным образом об интервенции, экстраполяции терминов родства (преимущественно кровного) в другие области.

К «взаимопревращениям» оказываются способны не только термины родства. Н.И. Толстой рассматривал, как одни и те же лексемы, например «термины частей тела (анатомические)... выступают в регистре географическом как географические термины, в регистре архитектурном как термины народного строительства, частей дома, в регистре техническом как термины народной техники и др.»² В терминологии С.М. Толстой, одна система может становиться «донором» для других систем. К таким «донорам» относится и система терминов родства. С.М. Толстая подходит «к категории родства как к коду или семантической модели, используемым в языке и культуре. Сюда могут относиться вторичные значения терминов (или шире – лексики) родства, используемые системно в языковой номинации различных объектов и целых классов объектов, а также мотивы родства, метафоры семьи и родственных отношений, присутствующие в текстах фольклора, обрядах и верованиях... Тенденция к расширению понятия родства характерна не только для языка, но и для культуры, где мы можем наблюдать распространение этой категории за пределы собственно родственных отношений, определяемых связью людей по рождению, и формирование целой системы видов родства, в разной степени и в разных направлениях отступающих от прототипической модели генетического родства»³.

Объект изучения – термины родства (преимущественно кровного) в их вторичных, переносных значениях.

Предмет изучения – экстраполяция терминов родства: семантические «сдвиги» от основных значений терминов к переносным, периферийным.

² Толстой Н.И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике) // В кн.: Толстой Н.И. Избр. труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 397, 398.

³ Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 9, 12.

Материал исследования – говоры архангельского региона. Используются 14 выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС) (буквы А-Ж), Словник АОС (ок. 180 тыс. лексем), богатейшая картотека АОС (ок. 5 млн карточек), Корпус «Электронная картотека АОС», созданный под руководством автора исследования (ок. 1,5 млн «карточек»), а также собственные полевые записи автора.

Цель работы – демонстрация семантических сдвигов из группы-«донора», каковой является ЛСГ «Термины родства», в другие области, выходящие далеко за пределы *семейной* тематики; исследование основных направлений экстраполяции терминов родства; выявление их типологического характера; рассмотрение путей семантического сдвига. В соответствии с целью исследования в диссертации поставлены следующие **конкретные задачи**: 1) выявить инвентарь терминов родства (преимущественно кровного) в архангельских говорах; 2) выявить вторичные, производные значения терминов родства; 3) выявить основные направления семантических сдвигов, зоны экспансии терминов родства и их дериватов; 4) описать механизмы семантического сдвига.

Методы исследования. Все материалы, использованные в диссертации, вне зависимости от того, взяты они из Словаря (АОС), из Картотеки АОС или из собственных записей, являются результатом **полевой собирательской** работы. Основными способами лингвистического исследования диалектов по-прежнему остаются описательный, лингвогеографический и лексикографический методы. **Описательный** метод проявился в последовательном рассмотрении всех терминов кровного родства (зафиксированных в АГ) в их значениях и употреблениях. Был использован и **сопоставительный** метод: традиционно при исследовании языка русских диалектов происходит его сопоставление с фактами литературного языка. В основной части работы параллельно примерам из АГ там, где это было важно, мы приводили общерусские примеры экстраполяции ТР в выделенные нами области. Сопоставительный метод был использован как основной в первой части Приложения («Термины родства в словарях и словарь терминов родства», в параграфах «Подача ТР в словарях литературного языка» и «Подача ТР в диалектных словарях»). Он учитывался также при необходимости некоторых этимологических уточнений. **Лингвогеографический** метод

исследования в данной работе отразился не в создании серии карт, но в обязательной фиксации географии каждого лингвистического явления: все записи производились на территории Архангельской области, обязательно указывался район и пункт записи. **Лексикографический** метод был использован при создании словаря «Термины родства в архангельских говорах», материалы к которому представлены в Приложении. Внимание не только к лингвистическому (лексическому), но и к духовному аспекту культуры во многом вызвано обращением к методам **этнолингвистики**, что проявилось в широком привлечение записанного в АГ фольклорного материала. Н.И. Толстой определял этнолингвистику как «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции»⁴.

Одним из традиционных для диалектологии методов как записи, так и исследования материала является дифференциальный метод. Однако в работе мы не придерживались этого метода, что во многом связано с пересмотром отношения к нему. Так, АОС был задуман как дифференциальный словарь, хотя принципы дифференциальности с самого начала понимались очень широко. И уже к 12 выпуску составители признали, что «отсутствие в словарных статьях общерусских значений слова обедняет как словарные статьи, так и сам словарь в целом, так как часто в большей или меньшей степени искажает полноту семантической характеристики такого слова» и что «АОС с неизбежностью становится словарем, весьма близко подходящим по своей типологии к диалектному словарю полного, а не дифференциального типа»⁵. Хотя среди ТР встречаются диалектизмы и на лексическом, и (особенно часто) на словообразовательном уровне, в основной своей массе это лексика общерусская. В диссертационной работе главным образом использован **системный** метод обследования материала, когда каждая лексема внутри избраной нами ЛСГ была рассмотрена

⁴ Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е. М., 1995. С. 27.

⁵ Гецова О.Г. От редактора // Архангельский областной словарь. Вып. 12. М., 2004. С. 7.

во всех своих значениях и употреблениях, что позволило выявить семантические сдвиги не как окказиональные, но как явление типологическое для группы «Термины родства», позволило рассмотреть данную группу как группу-«донор», вскрыть ее мощные как потенциальные, так и уже реализовавшиеся (в конкретных, зафиксированных в АГ примерах) возможности.

Научная новизна исследования. Впервые на материале архангельских говоров рассматриваются термины родства в их производных значениях; выявлены основные направления экстраполяции терминов родства, доказан их типологический характер; в научный оборот вводится новый уникальный материал из богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря».

Теоретическая значимость работы состоит в аргументированной и яркой демонстрации антропоцентрического характера языковой картины мира, в которой «код родства» тесно связан с другими кодами («мифологическим», «зоологическим», «ботаническим», «предметным» и нек. др.); экстраполяция терминов родства в иные языковые, культурные и этнокультурные области предстает как одна из важнейших языковых универсалий.

Практическая ценность работы. Материалы исследования могут быть полезны при создании диалектных и этимологических словарей; при решении разнообразных вопросов лексикологии и теоретической лексикографии; они могут явиться толчком для появления работ, исследующих те же (или другие) группы-«доноры», – работ, основанных на той же методике, но на материалах других русских (шире – славянских) говоров и литературного языка; они также могут быть использованы при чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по лексике.

На защиту выносятся следующие положения:

- термины родства, преимущественно кровного, в своих вторичных значениях выходят далеко за пределы протозначений и даже за пределы социума: они широко задействованы в области мифологии (языческой и христианской) и в области абстрактных понятий; связаны с животным, растительным и предметным миром; используются как антропонимы, топонимы и междометия;

- выделенные области являются проницаемыми; связь между ними часто осуществляется именно через термины родства;
- не только «семейный» код используется в качестве терминов в «чужих» ЛСГ – многие термины из этих ЛСГ попадают в «семейную область» («ботанический», «зоологический», «предметный» код и т.д.).

Апробация работы. Изложенные в диссертации идеи нашли отражение в 15 публикациях, а также в докладах автора на совещаниях и конференциях, в том числе международных; среди них: «Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова» (2001, 2004, 2007, 2010 гг.); Международная научная конференция «Аванесовские чтения». М., МГУ (февраль 2002); 4-й международный конгресс диалектологов и геолингвистов (4th International Congress of Dialectologists and Geolinguists), Рига (июль-август 2003); Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет (март 2009); Совещание по лексическому атласу русских народных говоров (ЛАРНГ), СПб. (2006; 2010); Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», Екатеринбург (сентябрь 2009); Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества», М., ИРЯ РАН (октябрь 2009); Конференция «Диалог поколений в еврейской и славянской культурной традиции», М., Институт славяноведения (декабрь 2009); Международная конференция «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения», Саратов (ноябрь 2010) и др.

Основное содержание работы

ЛСГ «Термины родства» является группой-«донором» – группой, в которой регулярно осуществляются «семантические сдвиги», происходит как бы выброс элементов (значений терминов) далеко за пределы «семейной» тематики. В исследовании выявлены и обозначены основные пути экстраполяции ТР, которая

осуществляется разными способами: через комплиментарную функцию – когда ТР присоединяется к термину из другой системы в качестве приложения, эпитета или в качестве обращения (*речка-матушка, тёща-старина*), через сравнение, путем метафорических или (реже) метонимических переносов. Таким образом, в языке воссоздается наивная картина мира, антропоцентричная по своей сути, в которой все и вся связаны «родственными» отношениями.

Перенос в другие области может осуществляться как непосредственно от протозначений, связанных с терминами родства, так и опосредованно: наблюдается регулярная метонимия, когда ТР проецируются на неродственников (даже в городской разговорной детской речи незнакомые мужчины и женщины определяются как *дяденьки* и *тётенки*), и уже оттуда осуществляется следующий семантический сдвиг. В то же время к ТР оказываются близки термины, связанные с половозрастной номинацией человека (*девушка, парень, старик, старуха*), его социальным статусом (*старая дева, вдовец, князь, барыня, сударь, король*), а также ласковые наименования людей (*любашка, жданушко, ягодина*). С одной стороны, они часто употребляются наряду с ТР, вместе с ними как синонимы и даже вместо них; с другой стороны, они, как и ТР, обладают способностью к экстраполяции, переходу в иные семантические группы.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения, словника-указателя, библиографии и приложения. Каждая глава представляет выделенную зону, область, в которой используются ТР в производных значениях (либо в качестве сравнения или величания). Это области мифологии; животный, растительный и предметный мир; абстрактные понятия; показана связь ТР с антропонимами, топонимами и переход ТР в междометия. Последовательность глав не случайная: в ней отразились своеобразные расширяющиеся круги, зоны антропоцентризма: родственными отношениями наделяются наиболее близкие к человеку, во многом антропоморфные мифологические персонажи, потом животные и далее – растения, предметы, абстракции. В последней главе показан переход ТР в междометия. Движение ТР в другие области не по-

следовательное, а одновременное и «центробежное», разделение на зоны во многом условно, поскольку выделенные области достаточно проницаемы и связаны друг с другом часто именно через термины родства.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна и практическая значимость; определяется объект и предмет исследования, его цель, задачи и методы; формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I. «ТР и мифологическое пространство». Термины родства оказались чрезвычайно активны в мифологии – как языческой, так и христианской. Если в христианской традиции актуальны ТР, связанные с понятиями *отец, мать, сын*, то в языческой набор терминов кровного родства гораздо шире – он связан с понятиями *бабушка ~ дедушка, мать ~ отец, сестра ~ брат, тетка ~ дядя*. Отсутствуют *дочь, сын* (хотя имеются *дети*), *внуки* и *племянники*.

Самые значительные фигуры христианства связаны родством: *Бог-отец* и *Бог-сын, Господь-батюшка* и *Божья мать, Царица матушка небесная*. В народной культуре как члены семьи предстают духи-«хозяева»: *дедушкой*, например, будет мифологическое существо, обитающее в доме, бане, сарае, помещении для скота, овине или в воде, в лесу. «Хозяева» дома (*домовой* и его «жена») – *дедушка* и *бабушка* (*Дэдушка-домовёюшка, ба́бушка-хозяюшка, благослові́ дете́й, пустьі жы́ти, храни́, береги́, по́й, корми́*) или *батюшка* (*ба-тюшко*) и *матушка* (*Ба́тюшко-хозяюшко, ма́тушка-хозяюшка, с ма́лыми детьми́, с приходя́щими госьтьми́, по́йте, корьми́те, храни́те, береги́те мою́ скоти́нушку, любите́, как мы йейо́ лю́бим*). «Хозяин» леса, леший – *отец, ба-тюшко* (*Вот в большúю старину́ говори́ли: ле́ший оте́ц. // Ба́тюшко ле́ший, скажы́, кому́ што збу́деца? // Унеси́ тебя́ ба́тюшко ле́шой, бо́льшэ не приноси́!*). В русском языческом пантеоне с ТР связаны не только мифологические «хозяева» дома, двора, бани, воды, леса, поля, но и персонажи заговоров, привидения, колдуны, некоторые персонажи фольклора. Так, в заговорах появляются *девка-простоволоска, девка-долгоголовка, матушка-девица, баба-белоголовка, баба-плутовка, мужики-черняки, Лазаревы сёстры* и пр. Зафиксированы

такие персонажи, как *баба-ёга, баба-яга, егая баба, егабова, егибова; дедко мороз (морозко)*, а также *ледяной мужичок, бабушка студёнка; бабушка-задворенка, бабка-двинянка, бабка-скулябка* и нек. др., а также бранное *чёртова (лешего) бабушка (матерь), чёртов брат, чёртовы (лешего, лешачьи) дети*.

Глава II. «ТР и животный мир». Термины родства экстраполируются на животный мир. Это касается метафорического переноса человеческой семьи на «семью» животных и проявляется в наименованиях самца и самки: *батька и матка, папа и мама: Мбжэ́т, ба́тька йейный от той поро́ды // О́, как дру́жно мо́юца па́па с ма́мой (кошки умываются). // Са́мка та ма́тка, а само́к Ва́ська. Самки и ее детенышей: матка и детьиш (детёш, детёнок, детище); сын, дочи: Ётки-те бы́ли детьишы́, ма́тка-то полети́т, а детьишы́ лети́ть-то не мо́гут. // Ма́ма йесь ма́ма, фсе́ свойего́ дётишиша лю́бя. // Снаця́ла ма́тка потеря́лась, пото́м сын потеря́лся. В обращении хозяев к своим домашними животным: ба́тюшка, ма́тушка, дочерь. Обращение к собаке: Ну́-ко, до́черь, не по́лзай. Обращение в сказке к волку: Во́лкушко-ба́тюшко, пустьи́ ноцева́ть. В кличках животных (Ма́тушка): Те́лка родила́сь – и Ма́тушкой назва́ли. // У нас веть ку́рам фсем назва́нья: Ма́тушка йесь, Пестру́нья, а ра́ньше Да́ша была́. ТР или термины из близких к ним групп могут использоваться как подзывные слова (для овец): Я вы́ду: де́фки-де́фки-де́фки-де́фки, подру́шки-подру́шки! А Ко́чина йеишо «до́чи-до́чи-до́чи» зовёт: До́чи-до́чи, поди́те домо́й!*

В этой главе рассмотрены также ТР, общие для «семейного» и «зоологического» кода: с одной стороны, ТР используются в зоологии (*семья, род, порода, потомство*), с другой стороны, «зоологический» код может быть использован для обозначения родства. Так, приемный отец – *медведь. Привести медведя в дом* – привести в дом нового мужа, отчима для детей. Оппозиция «свой – чужой» реализуется в противопоставлении ‘родной отец’ – ‘отчим’, что приравнивается к противопоставлению ‘человек’ – ‘зверь’ (*Голу́бушка, ты́ бы мидь-ви́дя на́м не привела́. Оте́ць неродно́й, так мидьви́дь в до́м*).

Большое место в этой главе посвящено использованию ТР в номинации отдельных видов животных и механизмам мотивации этой номинации. Крот – *дедушко, дедушко земляной (земельной)*; речная рыба бычок-подкаменщик – *дедыш*; самцы сёмги в раннем возрасте – *братаны*; медуза – *баба-кисель*; насекомое бабочка – *бабка, бабочка, баба-липка, бабка-липка*, моль – *бабка, бабушка*, а также *дедушко-ботамушко (Моль, а йешó дедушко-ботамушко. Вод дедушко-ботамушко летайот)*; паук – *дедушко*, насекомое сороконожка – *дедушко-бртанушко* и т.д.

Глава III. «ТР и растительный мир». Термины родства экстраполируются на растительный мир. Даже в официальной ботанике используются термины *семейство, род, материнское растение, пасынок*. В АГ из «семейной» терминологии, помимо перечисленных, в область ботаники оказались включены термины кровного родства и их дериваты (*бабушка, мать, матка, матуха, дедушка, братье* и др.); термины заместительного родства (*мачеха, пасынок, падчерица*), общие понятия (*семья, порода, колено, племя, родители*). Широко используются не только существительные, но и притяжательные прилагательные (*бабушкин, дедков, дедушкин; мачехин, тёщин*), термины, связанные с социальным семейным положением (*вдовец*) и гендерные соответствия (*мужской, женский, бабий*). Движение идет от мотивированной метафоры к стертой – и далее к случаям, которые сложно мотивировать. Рассмотрено и обратное движение: использование «ботанического» кода для обозначения родства: *корень, дерево (У нас йесь родослòвнось, онó росхóдица, а кóрень-то одін. Своево́ коренно́во не знаю, своево́ дéрева, родню́)*. Большое место в главе посвящено использованию ТР в номинации частей растения и отдельных видов растений; рассмотрены механизмы мотивации; связанность через ТР «ботанического» и других кодов.

Так, растение ромашка полевая имеет названия *бабушка, белая бабушка, бабушка-варварушка, бабушка-задворенка (затворенка), бабушка-кулябушка, дедушко-бабушка, бабушкины цветочки, бабочка (Врёмё придёт, и роспу-*

ша́цца в ыю́не ба́бушки. О́й, наго́ло ба́бушки наро́сли. // Та́м ничиго́ не посе́яли, одні ба́ушки-варва́рушки расту́т). Зрелый гриб дождевик – **бабка мышья, дедкова (дедушкова) баенка, дедушко-о-баенка** (Ды́м вот пойдёт – «де́ткова ба́йенка» ска́жут. // Де́душкова ба́инка – труба́, нажмёш, и пы́ль пуска́т). Растение репейник – **вдовец** (Вдофци́ – колю́чки, ли́пнут кото́рыйе. // Вдофци́ – поди́-ко шорконі́, прильнё́т, дак йедва́ оторвёш) и т.д. Стебель травянистого растения щавеля – **матка**, корни хмеля – **матици, маточки**; картофеля, от которой отводятся новые клубни, – **матика, матина, матка, матуха, мачеха**, толстая грубая кора березы, заново выросшая на месте содранной, – **мачехина берёста**; чашелистник морошки – **мать** (ягода поспева́ет **в матери**); растительный мусор, который попадает в корзину при сборе ягод или грибов, – **родители** или **родники** (...ну, ты со фсема́ роди́телями принёс, э́то му́сор-то. // Принёс моро́шки со фсема́ роди́телями... // Со фсеми родника́ми принеслі́ моро́шку).

Глава IV. «ТР и предметный мир». У терминов родства имеется большое количество предметных значений. Экстраполяция ТР на предметный мир коснулась слов с корнями *баб-, мат-, дед-, бат-* (*батюшко* ‘родной отец’), *брат-, сестр-*; имеются метафорические переносы также у терминов свойства (*свекр-, молод-*; *молодка* – ‘невестка’), заместительного родства (*пасынок, падчерица*), духовного родства (*кум-*). Перенос корней *доч-, тёт-, дяд-* на предметный мир зафиксирован лишь в малых жанрах фольклора – в загадках, пословицах. Не зафиксирован перенос ТР с корнями *плем(ян)-, внук- / внуч-*; терминов свойства с корнями *тест- / тёщ-, зят-* и нек. др. Особое значение в предметной лексике получают адъективы с корнем *род-* (*родной, родимой, родственной*).

Примеры использования ТР для номинации предметной лексики весьма многочисленны. «Семейный» код используется не только в названиях атропоморфных игрушек (кукол) или в области игр (детских и взрослых), но и в названиях частей и органов тела (в соматике); в строительстве; названиях элементов дома, крестьянской усадьбы; печи; посуды, хозяйственной утвари, одежды;

пищи; орудий труда, инструментов; рыболовных орудий; деталей ткацкого станка; малой укладки зерновых, льна, укладки бревен и т.д. В то же время существует обратное движение: слова с основным предметным значением могут метафорически обозначать семью, родство. Эти слова принадлежат к тем же ЛСГ, для которых характерно использование «семейного» кода: игрушки; соматика; дом; орудия труда, инструменты; посуда и т.д. Основные механизмы переноса те же, что и в случаях, когда «донорской группой» оказываются ТР: сравнение и метафора.

Так, рука – ладонь и пальцы – рассматривается как «семья» (*Пальцы на руках: большóй, мáтка, отéц, бáпка, мезéньчик, или дóчка*). «Семьей» оказываются в загадке печь, огонь, дым (*Мáть толстá, дóчь краснá, сýн кудреватой в небесá улетéл*). Печка и приготовляемые в ней пироги соотносятся как мать и дети (*Пéчка-мáтушка, скрасáй хлебóв-дéтушэк*).

С общим представлением о матери как об основе, начале всего связано широкое использование дериватов с корнем *мат-*, обозначающих самые разные понятия. Например, лексема *матка* обозначает части тела (женское чрево, указательный палец руки), несущую потолочную балку, свод русской печи; базовое судно, снабжающее рыболовные траулеры провиантом и водой и принимающее у них выловленную рыбу; головной плот; компас; картофелину, от которой отводятся новые клубни; центральную часть чего-н.; часть рыболовной ловушки, рыбоприемник; нижнюю часть грабель, куда вставляются зубцы; жердь, на которой сушится белье и т.д. *Пасынок* – это не только боковой побег материнского растения, но и льдина, выброшенная на берег; подпорка к столбу; надставка к бревну; деревянный столб, свая, установленная в фундамент дома (нов. – цементная плита); вынимающаяся часть ткацкого станка, часть свóлока – стержень, на который навивается нить основы; планка, вставка в другую деталь; льняное волокно низкого качества, изготовленное из очёсков; сучок дерева; гниль, образовавшаяся на месте сучка. В последнем значении используется

также лексема **падчерица** (*Ой, это дерево с падчерицей – гнилойо*). У слова **баба** выделяется больше 15 предметных значений, у слова **бабка** – больше 25.

Стиральная доска – **дедушка**: *На дедушке постирают да и поволокут на реку. Нижняя часть грабель, куда вставляются зубцы, – матка (матица, маточка): Это матка, зубы знаш, ратовишио знаш, грабловишио. // Тоб, за што держыся, называеца граблевишио, тоб, ф што вбиваюца зубья, – матиця. Разные части рыболовных ловушек – матка (матица, матичка, матница, матня) и детинец (детенец, детей, детинок, детиночек, деток, детьши, детьшок); сама ловушка может называться бабницей: Раньше делали бабницы. Ис прутьеф, их перевязывали вицьем. Детали ткацкого станка (как правило, вынимающиеся, отдельно вставляемые) – баба (бабка, бабушка, баба-вороба, баба-вьюха), дедко (дедушко), пасынок: Там у вьюшки йесь бабушка – воробы. На бабушку кладуце воробы. Бабушка для того – на тюрки нитки наивать. // На эту бабу-воробу моты мотают. // А туд была баба-вьюха – вьюха. // На дедушка насажывали тюрк. // Пасынок – така вот палочка, а на сволоку така вийемка, петелки наложаса на пасынок, рас обернем, он крепко держыца, там и навивам. Сдвоенные нити в ткацком гребне – сестрицы, сестреницы; петля в вязанье – сестра; тканый, вязаный или вышитый узор – посестерной, двусестерной, по одной сестры, по две сестры: Узор по одной сестры – одна полоска. А йесь узор по две сестры – там две полоски. Вот цюлки-то вязала – тот посестерной, виш, по одной петелке. А вод двусестерной. Косынка или платок, завязанный особым образом, который надевала женщина сразу после замужества, – молодуха (молодичка, молодуха, молодой): Замуш вийти – надо молодухой подвязаца, красный плат. // Мы йедак молодушками завязэмся, дойм – а ветёр. // Молодой – зделают прямой платок, как рошками, загнут уголочки-то. Вышитая юбка, которую невеста на свадьбе дарит свекрови, – свекровница: Свекровницу свекрофке дарили. Вышитое полотенце, которое невеста на свадьбе дарит свекрови,*

свекровочник: Свекрѡвочьник: я сама свекрѡфке вышивала утиральник, свекрѡвочьник назывался – и т.д.

Е.Л. Березович в предметной области выделила «метафорические комплексы, составленные терминами родства», в которых не только звучит «семейная» тема, но обнаруживаются параллели, противопоставления: «Код родства организован как прозрачная и четкая сетка отношений ("старше – младше", "кровный – некровный", "мужской – женский")... В таких комплексах семантическая связь названий отражает соположенность объектов номинации, т.е. их смежность, включенность в одну ситуацию, в один тематический ряд». Иногда эти комплексы «рассыпаны» «по разным языковым идиомам. В таких случаях приходится собирать комплекс, реконструируя отношения между его элементами»⁶. В АГ нашлось достаточное количество примеров, которые могут быть организованы в подобные «метафорические комплексы». Так, небольшая наковальня, приспособление для натачивания лезвия косы представляет собой подставку (она называется *бабка, бабушка*) – металлическую пластину, укрепляемую на некоторой возвышенности (пне, круглом полене), и бьющую часть (которая может называться *дедкой*): *Ба́пка, и де́тко – молото́к. Одбива́ем ба́пкой да де́тком. Хозяин сто́йку (косу) отобьйо́т ба́пкой и де́ткой, пото́м бруско́м лопáтиш. Детали ткацкого станка, из которых одна насаживается на другую, – *дедка* и *бабка*: *Во́т ы натыка́ло бы́ло, де́тко да ба́пка. // Куда́ чюри́к пиха́лся, так то́ зва́ли де́тка да ба́пка, на де́тка надева́йеца́ э́тот чюри́к. Разные внутренние части рыболовной ловушки – *матка* и *детинец* (*детыш, детей*): *Дети́нец, а та́м ма́тка, а та́к – ве́ршиа. // Остры концы́, штобы она́ не в́ишла о́брати́но из де́тышиа. Де́тыш, а э́то ма́тка. // Сперва́ называ́йеца ма́тка и дете́й. Дите́й фставля́йеца в ма́тку.***

⁶ Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 257, 258.

«Метафорические комплексы» термины родства составляют не только в предметной области, но и абстрактной, еще шире они представлены в области мифологии и зоологии. Но чем дальше ТР уходят от протозначения, связанного с семьей, на «периферию» – т.е. от Человека к Предмету (в широком смысле этого слова), тем более осколочными будут они выглядеть, и вполне реконструировать их не удастся. В удалении от Человека «семейственность» сменяется «парностью» и «одиначностью». Но и «парные» образования не всегда параллельны. Связанные родством *Бог-отец, Бог-сын и Царица Матушка Небесная* чаще всего предстают в русской – не только народной, но и общехристианской – культуре как *Господь Батюшка* и *Царица Матушка*, однако *батюшка* и *матушка* оказываются в отношении друг к другу *сыном* и *матерью*, а духовным *отцом* и духовной *матерью* Христос и Богородица будут для человека-христианина. Другой пример: в заговоре рядом оказываются *корова-матушка* и *послед-батюшка*, однако *корова* и ее *послед* никак не составляют между собой полноценную параллельную пару.

Глава V. «ТР и антропонимы». В данной главе рассматривается не только имянаречение и переход ТР в антропонимы, но и возможность употребления терминов родства в союзе с личным именем как в вокативе, так и в номинативе (...*помяну сѣх родітелей – ба́бушку Оні́сью, дѣтку Я́кова*). Приводится 12 основных терминов кровного родства (*мать, отец, дочь, сын, сестра* и т.д.), последовательно рассмотрено их употребление в сопровождении с именем или без него. Приведена таблица, из которой видно, что если в номинации практически любой термин родства может сопровождаться именем собственным, то в вокативе массовые примеры, когда имя сопровождает термин родства, встретились только для лексем со значениями *бабушка* и *тетя* – в остальных случаях используется либо только ТР, либо только имя.

Выбор личного имени часто обусловлен обращением к авторитету близких родственников: имена даются *по деду, по отцу, по бабкам, по матери, по тёткам*. Если официальное отчество всегда дается *по отцу*, то в народном узусе

присутствуют разные модели отчества как с точки зрения словообразования, так и с точки зрения мотивации: может употребляться «отчество» *по матери*: *Кóля Мáнин, Кóля Мáшкичь – без бáтьки, сё зváли йегó. // Гúстя Áнина, Мíша Áнин – фсё по мáтери, а отéц жь́л допослéду, а фсё́ по мáтери зváли.* Существует «отчество» *по мужу* (*Вь́шла зáмуш за Степáна – Степáнихой зовúт, йёсли лóфко, Фё́дориха, Ику́ниха, Изосíмиха, Гурья́ниха йили Гúриха*) и даже *по деду* (*А у нáс ребя́т фсё́ зváли не по оцú, а по дéтку. По тáте-то не зváли, а фсё́ Кóлька Мíтиць. По тáти-то и не зváли, фсё́ по дéтку*). Фамилия до замужества – *девья (дéвочья), по дéве; тáтина, нáпына; вь́ходная, домáшняя, роднáя* (*Дéвочья-то фамíлия Ворóнина. // Моя́-то тáтина Кулешóва фамíль. // У меня́ своя́ фамíлия – нáпына, по мúжу Белóва. // Домáшняя фамíлия Кармáнова, здéшня – Лешукóва*). Родословная по материнской линии шла *по дéвьему (старому) роду*: *По стáрому рóду, стáрой рóд, дéвей рóт. // Она́ по стáрому рóду своя́.* Семейные прозвища могли существовать у рода на протяжении нескольких поколений – идти *по дедкам, по бабкам, по роду*. Существуют примеры (немногочисленные, но значимые с типологической точки зрения), в которых ТР (и близкие к ним термины) сами превратились в имена собственные: в прозвища, отчества, фамилии (*Мы йéхали с Йивáном Дя́тькиным – Дя́тькины шió фамíлия йёсь. // У йéй мужь́к з Задóрья бь́л, Бáтюшкой прозвалá*).

Глава VI. «ТР и топонимы». ТР достаточно активно отражаются и в топонимике. В АГ зафиксированы топонимы с корнями *дед-, внук-, брат-, мат-, пап-, баб-, кум-* и некоторые другие. К аппеллятивам, к которым в качестве имен собственных присоединяются ТР, относятся названия деревень, полей, сенокосных угодий, пригорков, рек, ручьев, болот, дорог, различных местностей в лесу, у реки и т.д. Так, существуют деревни с названиями: *Бабья Горка, Бабкино (Бабкина), Бабинская, Дедова Горка, Дедов Плот, Стариково, Братановка, Братаниха, Братвино, Папеньская (Папинское), Внуковское (Внуковская, Внуковской), Закумихинская, Княж-погост*; поля: *Бабье, Бабинское, Бабкина*

навинка, Бабкина, Дедковы, Дедово (Дедова), Мачуха; сенокосные угодья: *Бабье, Бабья Гора, Бабье Болото, Дедов наволок, Деда Павла малая деветерна, Батин, Родительская новокопка, Семейная (Семейные), Пасынок, Матиха, Вдовы, Девья Осина, Боярыня*; реки: *Бабья речка, Старуха*, ручьи: *Бабий, Баб-ручей, Дедков, Дедов, Старец, Сударьский, Панов*, озёра: *Бабкино озёрко, Дедово, Матушкино озеро, Паново* и пр.

Помимо перехода ТР в топонимы, в этой главе рассматривается «семейный» код в топонимике – в АГ с терминами родства связано достаточное количество апеллятивов, обозначающих пространство. Если в литературном языке общими для «семейного» и «пространственного» кодов является корень *отец-* (*отечество, отчизна* – ‘родина’, ‘место рождения и проживания’), то в АГ с апеллятивами, означающими географическое пространство, кроме корня *отец-*, связаны корни *род-*, *бат-*. Например ‘место рождения’ – *родина, родинка, родство, батюшка: Те́ вóзы тудá шлі́, з ба́тюшке мойéй.*

Глава VII. «ТР и абстрактные понятия». Выделение «абстрактных понятий» представляет собой некоторую сложность. Н.Д. Арутюнова делит абстрактные понятия на имена темпоральные (*время, утро*), пространственные, куда входят имена естественных объектов (*море, горы*), сонантные (*шум, треск*) и событийные (*беда, крах, суматоха, дождь, потеха, суета, танцы*)⁷. Исходя из наших материалов, мы выделяем имена локативные, куда входит пространство разной степени абстрагированности (*земля, вода, Москва, почва*) и космогоническое пространство (*небо, солнце*); имена темпоральные (сюда относятся сакральное время и бытовое, а также *война, страда*), стихии (*ветер, дождь, огонь, мороз*), состояния человека (*лень, болезни*).

ТР по отношению к абстрактным понятиям в основном используются в комплиментарной функции в сочетаниях: как постоянные эпитеты, приложения. Приложения-величания *мать, матушка, отец, батюшка* сопровождают слова

⁷ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 121.

земля, небо, вода, война, страда, зима, старина и т. д.: земля-мать и небо-отец, земля-матушка, река-матушка, вода-матушка, страна-матушка, старина-матушка, досельщина-матушка и даже тёща-старина (Старинь-то матушки мно́го у нѣх. // Роска́зываеть-ко, голу́щик-дядя, про тѣщю-старину́). В этой главе рассмотрены разные значения лексем *матерá*, *матерѣк* (дериватов ТР), связанные с землей и водным пространством. Северный (северо-западный, западный или северо-восточный) ветер – *родной (родимый, роденькой) ветер*, а также *родник, родничок* (Дѣнь, другой – и опя́ть родничѣк поду́ьет, сѣвер назывáм, родничѣк поду́ьет). Огонь в загадке – *дед Ермолай* (Дет Ермола́й фсѣ сѣс, што не даѣ).

ТР оказываются весьма активны и при обозначении временных промежутков или дат годового календарного цикла, связанного с церковными праздниками и постами. Так, в обозначении постов использованы ТР *мать, отец, сын, дочь* (Велѣк по́с, да Филѣп по́с, да Петро́ф по́с. Оте́ц велѣк, сѣн Филѣп, до́чь Петро́вна, ма́ть госпожа́. У ѣѣй то́лько две неде́ли по́с). Неделя перед Великим Постом (Масленица) может называться *тѣщиной* или *зятней неделей*; последнее воскресенье перед Великим Постом – *зятнее воскресенье* или *зятница*. День Покрова Пресвятой Богородицы величается как *батюшка Покров* (...Покро́в-ба́тюшко, покро́й зѣмлю снешкóм, а меня́ жэнишкóм. // У нас ба́тюшка Покро́ф на́шу дере́вню береге́т, она не га́ривала). Некоторые праздники могут считаться *женскими (бабьими)* или *девичьими*.

Акцентируются периоды, представляющие опасность для человека или связанные с определенными трудностями. Это опасное время года (*зима*) и суток (*ночь*), тяжелый период истории (*война*), период напряженной работы, от которой зависит будущее (*страда, рыбалка, охота*) и нек. др. Используются ТР *матушка* (*зима-матушка, матушка-ноченька, война-матушка*), *мать* (*страда-мать*), *мачеха, жених* (*жених лопатной – ‘смерть’*): *Зима́-то при́дет ма́тушка, у наз зима́-то до́лга. // Реба́т-то мно́го бѣло, а война́-ма́тушка фсѣх увела́. Война́-ма́тушка дала́ нам жѣзы́ни, фсѣ́ испытáли: стѣжу и*

нужу. // *Коды рыбáлка да охóта – когды́ мать, когды́ ма́чеха, не на́до сердíца, когдá добы́деш, когдá нёт, – не сéял. // Жэ́нiх подо́йде́т лопáтнoй – фсе́, Сíмушка*). В приближении через ТР «далекого», чужого, «отвлеченного» мира к «близкому», родному, освоенному, «конкретному» мы видим связь между конкретным и абстрактным.

Глава VIII. «ТР и междометия». Частое употребление ТР в вокативной функции способствовало переходу обращения в междометие – восклицание, выражающее крайнее удивление, восхищение, радость, испуг, раздражение и другие эмоции. Переход в междометия осуществлялся через несколько стадий. Начальной стадией было использование вокатива ТР по отношению к неродственникам, например: *батюшко* – обращение к отцу > свекру (тестю) > старшему члену социума > к мужчине любого возраста, в т.ч. к ребенку > к нескольким лицам > междометие. Междометия *батюшки!*, *батюшки мои!*, *мама моя!*, *ой мамочки!* активны не только в деревенской, но и в городской среде. Другая группа связана с лексико-семантическим переходом в междометие формульных обращений к Богу, Богородице и святым (ср. общерусское *О Господи! Боже мой! батюшки Иисусе!*).

Отдельную группу занимают междометия, связанные с матерной бранью и заменяющими ее экспрессивными выражениями. Показательно постоянное использование слов *мать*, *матушка* как для обозначения матерной брани, так и в ее составе. От корня *мат-* образуется большое количество дериватов со значением ‘матерная брань’: *мат*, *ма́ты́*, *матерiк*, *матерiнство*, *матерóк*, *материци́на*, *материши́на*, *матечок*, *ма́тка*, *ма́тнество*, *ма́тушка*, *мать*, *матьё́*, *матiог*, *матюгици́на*, *матiожiина*, *матюжи́ще*, *матюжи́к*, *матiок*, *матюка́нье*, *матiох*, *матючок*, *матюшóк*, *матiушки* и проч. Носители диалекта безусловно связывают матерную брань с *матерiнством* (*ма́тушкой*, *ма́терью*): *Ругáчча научiлися матерiнством. // Ну тишiы́. За однiм нехорóшó, бóх просьтiт мя́я. Про фсе ма́тушки напiсано, и про ба́тюшки напiсано. // А матюка́йеце – из ма́тери в ма́ть. // Вон Борáн, я к нему не*

хожу́, он ъз мати ма́ть. // Та́к твою ма́ть! Из ма́тушки в ма́тушку менé. // Ис-по ма́тушки ма́ть. Собственно к междометиям относятся только случаи, когда интересующие нас фразеологические единицы уже теряют пейоративную функцию, теряют адресата.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования и обобщаются основные результаты работы, которые можно кратко сформулировать следующим образом:

1. Выявлен инвентарь ТР (главным образом кровного) по материалам богатейшей картотеки АГ, Словаря АОС (1-14) и собственных полевых записей автора. Он лег в основу исследования, хотя не представлен в работе в явном виде.

2. Подробно рассмотрены значения каждого термина родства, а также его употребления, что позволило определить ЛСГ «Термины родства» как важнейшую группу-«донор», обладающую неограниченными потенциальными возможностями. Реализацию этих возможностей мы исследовали на материале говоров одного региона – архангельского.

3. Выявлены основные направления экспансии ТР. Если ТР представляет собой группу-«донор», то семантические поля, в которые направлена интервенция ТР, можно назвать группами-«реципиентами», легко принимающими ТР уже в качестве собственного термина. Направления экстраполяции представляются нам типологическими.

4. Рассмотрен регулярный взаимный семантический обмен между выделенными группами: влияние часто оказывается обоюдным, наблюдается не только проникновение «семейного» кода в выделенные нами области мифологии, животного, растительного, предметного миров и абстрактных понятий, но и проникновение «ботанического», «зоологического», «предметного» и др. кодов в область родственных отношений.

5. По теме «Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)» научной общественности представлен новый, уникальный материал, собранный студентами и аспирантами русского отделения, преподавателями и сотрудниками кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

6. В рамках научной лексикографической школы О.Г. Гецовой (вобравшей в себя лучшие традиции школы Р.А. Аванесова, и – шире – традиции МДК) использован дающий высокие результаты способ работы с диалектным материалом, основанный не столько на методе дифференциальной выборки (что характерно для многих исследований по диалектологии), сколько на методе сплошного системного его обследования.

7. В связи с выявлением широкой экстраполяции ЛСГ «Термины родства», экстраполяции, имеющей типологический характер, оказалось возможным решить некоторые практические задачи. ТР всегда являлись источником омонимии в любых словарях: литературного языка, исторических, диалектных (см. Приложение, часть I. «Термины родства в словарях и словарь терминов родства»). Вскрыт источник этой омонимии, показан ее обязательный, регулярный характер, указаны основные направления движения. Но если омонимия носит обязательный, регулярный, типологический характер, если известна ее направленность, возможно, в словарях следует изменить стратегию подачи омонимов при терминах родства: нет смысла множить их количество, ибо оно может измеряться десятками – в зависимости от охвата территории.

8. На основе анализа подачи ТР в словарях различных типов разработана новая методика включения ТР в Словарь. Создается диалектный «Словарь терминов родства», материалы из которого помещены в Приложении (часть II).

В конце диссертации приводятся **Словник-указатель**, списки **сокращений**, **библиография**, включающая ок. 150 наименований работ по теме диссертации, из которых 15 работ (статей и тезисов докладов) общим объемом 11 п.л. принадлежит соискателю. В отдельном томе помещается Приложение.

Приложение состоит из двух частей. В первой части рассматривается, как подаются ТР в различных словарях: литературного языка, исторических и диалектных. Поставлены основные проблемы описания ТР в словарях, приводятся (в сопоставлении) словарные статьи из 11 словарей на некоторые термины родства: *баба, бабка, бабушка; мама, матка, матушка, мать*. Во второй части

рассказано о принципах создания «Словаря терминов родства (по материалам архангельских говоров)», в качестве иллюстрации даются материалы к Словарю (6 словарных статей: *баба, бабка, бабушка; мама, матка, матушка*). Формулируются принципы новой подачи материалов в диалектном «Словаре терминов родства»; в нем предлагается отказаться как от линейности подачи материала, так и от системы омонимов. Вместо этого вводится многоуровневая система. Новая структура словарной статьи учитывает типологическую экстраполяцию терминов кровного родства; в рамках одной лексемы может происходить перенос значений на свойственников, приемных родителей, неродственников; учитывается духовное родство (возникающее между участниками обряда крещения), перенос ТР в мифологическое пространство (язычества и христианства), на животный, растительный, предметный мир; в область абстрактных понятий, антропонимики и топонимики; переход в междометия. Выбранная лексика рассматривается на всех лингвистических уровнях: в семантическом аспекте (значения, номинативная и вокативная функции), фонетическом / фонематическом вариантах, в словообразовательном, грамматическом и синтаксическом аспектах (регулярная сочетаемость, семантические соответствия, конверсивы, составные наименования и вокативы). «Словарь терминов родства (по материалам архангельских говоров)» создается на основе извлечений из опубликованных выпусков АОС (1–14), Картотеки АОС, Электронной картотеки АОС и собственных полевых записей автора.

Когда говорят о языковой картине мира, часто добавляют, что речь идет о «реконструкции» этой картины, т.е. мы как бы собираем в целое некие оставшиеся нам осколки прошлой культуры, с помощью анализа элементов синтезируем целое. Однако перенос в другие ЛСГ терминов из групп-«доноров» – таких, как ТР, – представляется нам явлением не только типологическим, обязательным, но и перманентным, осуществляемым в рамках любой культуры и в любую эпоху.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Качинская И.Б. *Матушка да батюшко* // *Русская речь*. 2008, № 2. С. 102-108.
2. Качинская И.Б. *Мать и матушка* // *Вопросы русского языкознания*. Вып. X. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. К 50-летию научной деятельности Оксаны Герасимовны Гецевой. М., 2003. С. 129-155.
3. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // 4th International Congress of Dialectologists and Geolinguists (4-й международный конгресс диалектологов и геолингвистов). Тезисы докладов. Riga, July 28 – August 2, 2003. С. 93-95.
4. Качинская И.Б. *Свет ты мой миленький дружочек*: номинация и обращение (по материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. II (VIII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2004. С. 334-346.
5. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // *Материалы IV Международного конгресса диалектологов и геолингвистов*. Riga, 2006. С. 279-289.
6. Качинская И.Б. *Малому не наигратся, старому не належаться, середка годов не наробиться*: половозрастная стратификация и термины родства в архангельских говорах // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. III Международный конгресс исследователей русского языка. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 20-23 марта 2007 года. Труды и материалы. (Тезисы) М., 2007. С. 101-102.
7. Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. III (IX) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., Наука, 2008. С. 265-283.
8. Качинская И.Б. Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров) // *Ономастика в кругу гуманитарных наук / Материалы международной научной конференции*. Екатеринбург, 20-23 сентября 2005 г. С. 83-85.

9. Качинская И.Б. Кузенное родство в архангельских говорах / Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». М., МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет. 24-26 марта 2009 года. Труды и материалы (тезисы). С. 192-193.
10. Качинская И.Б. Термины родства в словарях и проект словаря терминов родства // *Regionala un sociala dialektologija. Komparativistikas instituta almanahs*. 18. sejums. Daugavpils Universitate (Даугавпилс), 2009. S. 110-171.
11. Качинская И.Б. *Дедки-прадедки*: обозначения предков в архангельских говорах // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции*. Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г. (тезисы). Екатеринбург, 2009. С. 117-118.
12. Качинская И.Б. Заместительное родство. Приемные дети (по материалам архангельских говоров) // *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества / Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г.* М., 2009. С. 104-106.
13. Качинская И.Б. Термины родства и животный мир // *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка*. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. 20-23 марта 2010 года. Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. (Тезисы) М., 2010. С. 94-495.
14. Качинская И.Б. *Дочки-матери*: нерегулярное склонение в архангельских говорах // *Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой / Сост. С.В. Князев, А.В. Птенцова. Отв. ред. М.Л. Ремнёва, С.В. Князев.* – М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 222-231.
15. Качинская И.Б. *Дедки-прадедки*: отношение к предкам в архангельских говорах // *Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Академическая серия. Вып. 29.* М., 2010. С. 151-162.